

СЕСТРИЧКИ
НЕ ПРОМАХ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова
Сестрички не промах

«ЭКСМО»

1998

Полякова Т. В.

Сестрички не промах / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
1998 — (Авантюрный детектив)

ISBN 5-699-16170-8

Ищешь одно, а находишь совсем другое. В этом убеждаются две предприимчивых сестры, отправившиеся в старинный русский город на поиски клада, спрятанного их прадедом. Действительно, труп подозрительного субъекта, обнаруженный ими в первый же день поисков, на сокровище вовсе не походит. Но это только начало рискованных приключений отчаянных сестер. У них объявляются конкуренты – коварный троюродный братец и местная мафия. Между двух огней не очень уютно, но сестры не собираются отступать.

ISBN 5-699-16170-8

© Полякова Т. В., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Полякова

Сестрички не промах

Была родительская суббота. Хотя, может, и не родительская вовсе, и даже не суббота, и Мышильда все выдумала, чтобы умыкнуть меня с работы. Впрочем, я ничего не имела против. В работе наступил мертвый сезон: июль, богатые люди – а мои клиенты богатые люди – отдыхают на курортах с громкими названиями, а не сидят в пыльном душном городе, где асфальт на улицах плавится от жары.

Я тяжело вздохнула от сочувствия к себе, так как в отличие от своих богатых клиентов плавила в городе вместе с асфальтом. Чтобы поднять себе настроение, я закинула на стол ноги и стала их рассматривать, точнее, созерцать. Подобной красоты мне никогда не приходилось видеть. Настроение незамедлительно повисилось, я погладила свои коленки, улыбнулась и сказала:

– Чудо что за ноги. – И добавила: – Чтоб им всем провалиться! – Такая немилость относилась к мужской половине человечества. Всех ее представителей я не жаловала в принципе. При мысли о них настроение сразу же испортилось, тогда я торопливо перевела взгляд на зеркало, увидела свое отражение, улыбнулась ему, подмигнула и пропела: – Красавица. Принцесса... нет, королева.

Хорошее настроение быстренько вернулось. Тут зазвонил телефон. Я откашлялась и не спеша подняла трубку.

– Слушаю, – пропела я бархатым голосом, и, как оказалось, совершенно напрасно: на том конце провода был не предполагаемый клиент, а мой последний муж. Вообще-то он уже не был мужем три месяца, но все еще им числился, из-за того, что я никак не могла выкроить время и оформить развод. Итак, последний муж громко засопел, потом вздохнул, потом сказал тихо:

– Лизанька...

– Ну? – спросила я. Звонок настораживал, потому как последнему звонить мне было совершенно незачем. Правда, мелькнула шальная мысль, что он смог сделать что-то путное, то есть пошел и подал на развод сам, но в это как-то не верилось. И правильно. Еще раз тяжело вздохнув, он скороговоркой выпалил:

– Лизанька, я хочу вернуться.

– Куда? – не сразу сообразила я.

– К тебе, – ответил он, а я гневно отрезала:

– Ни за что!

– Ты не можешь меня бросить вот так, совершенно неожиданно... И вообще...

– Как это неожиданно? – возмутилась я. – Я предупредила тебя за два месяца, а потом дважды назначала испытательный срок, хотя прекрасно знала, что только зря теряю время. И что? Вместо благодарности ты вдруг заявляешь, что я бросила тебя неожиданно, да еще хочешь вернуться! Это бессовестно, вот что... – Я резко выдохнула и стала перемножать в уме трехзначные цифры, с цифрами у меня проблемы, и это отвлекает.

Из трубки раздалось подозрительное хрюканье, потом тихое постанывание и вновь хрюканье.

– Ты что там делаешь? – насторожилась я.

Последний, не таясь, всхлипнул и запричитал голосом обиженного ребенка:

– Лиза, я покончу с собой...

– Как, интересно? – съязвила я. За три месяца он кончал с собой раз двадцать, причем каждый раз так глупо и неудачно, что у меня чесались руки помочь ему и разом прекратить все это.

– Лиза... – простонал он очень громко.

– Иннокентий Павлович, – ядовито начала я. – Вы как адвокат должны знать, что подобное поведение называется шантажом...

– Мне все равно, как это называется, я хочу вернуться. Я сейчас стою на балконе, и одного твоего слова достаточно...

– Стой, – перебила я. – Ты имеешь в виду наш балкон?

– Да, – жалобно ответил последний, а я вздохнула:

– Кеша, я тебя умоляю, у нас первый этаж. Я согласна: балкон расположен достаточно высоко, но не настолько, чтобы ты мог разбиться. Внизу кусты, это смягчит удар, и ты уж точно не разобьешься, зато исцарапаешь лицо и руки и будешь выглядеть совершенно нелепо. К тому же ты уже дважды прыгал с нашего балкона и даже руку не смог сломать.

– Ты бесчувственная, – растягивая слоги, сказал Иннокентий Павлович и зарыдал, а потом ехидно добавил: – Я могу подняться на крышу. У меня есть ключ от чердака.

– О господи... – Я смотрела на свои ноги, но даже это не помогало. – Чего ты хочешь?

– Еще один испытательный срок, – довольно сообщил он.

– Зачем, ты все равно его провалишь.

– Нет. Я чувствую в себе силы. Я люблю тебя и чувствую в себе силы. – Он вроде бы развеселился, а я окончательно скисла и сказала:

– Ладно.

– Когда ты переедешь? – быстро спросил он.

– Завтра, – отмахнулась я.

– Ну, почему же завтра? – начал канючить он, но я решительно его пресекла:

– Завтра.

Он сник и, посопев немного, осведомился:

– Мне за тобой заехать?

– Когда?

– Завтра...

– Я и сама способна добраться...

– А вещи?

– А вещи незачем таскать с места на место. Ты все равно провалишь...

– Я чувствую в себе силы...

Я повесила трубку и выругалась, хотя с понедельника начала новую жизнь, где всяким там выражениям не было места. Я дала себе слово быть леди, а леди не выражаются. И вот пожалуйста...

– Полное дерьмо, – сказала я громко, в этот момент дверь распахнулась и в комнату просочилась Мышильда. На самом деле ее звали Машкой и она была моей двоюродной сестрой.

Я взглянула на нее и скривилась. Если честно, глядя на сестрицу, я неизменно поражалась, как подобное создание могло появиться в нашей семье. Дед наш славился тем, что зубами мог поднять мешок соли, вытаскивал телеги из грязи без видимых усилий, плотничая, таскал по два здоровенных бревна. Мой родитель тоже прославился, правда, на свой лад: он мог выпить ведро самогона и не умереть. В конце концов все-таки умер, но лишь потому, что многократно увеличил дозу. Из родственников мужского пола не могу припомнить ни одного, кто был бы ниже двух метров. Впрочем, родственников мужского пола оставалось немного. Их косила неумная тяга к алкоголю. Женщины были под стать мужчинам и на мешки с картошкой и прочую дребедень посматривали с неизменной усмешкой, а при случае могли бы гнуть подковы, но просто не видели в этом необходимости.

Мышильда была в семье белой вороной, точнее мышью, и не белой, а рыжей. Рост у нее средний, а по нынешним меркам ниже среднего, а общий вид какой-то худосочный, наводящий на мысль о бледной немочи и прочих болезнях. Бюст и зад отсутствуют практически полностью, зато плечи торчат, точно вешалка в шифоньере. Ноги могли бы выглядеть вполне прилично, умей она ходить на них, но Мышильда любит высокие каблуки, при этом шаркает и бредет на полусогнутых. Лицом сестрица походит на подопытную белую мышь – востренькая, смышленная, с глазками-бусинками, светло-рыжими ресницами и бровями, пятнами веснушек по всей физиономии и неопределенного цвета волосами, собранными на затылке в тощий хвост. При такой внешности сестрица, ко всему прочему, всегда отличалась некоторой врожденной злокозненностью и склонностью к ехидству.

Мышильда просочилась в комнату, а я, взглянув на сестрицу, подумала в очередной раз: «В семье не без урода». Росли мы с ней как бы в одной семье, мама Мышильды, сестра моего отца, работала проводницей и часто отсутствовала, а ее отец, подобранный тетушкой на каком-то полустанке, лет через семь после рождения дочери поехал навестить родню, да так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача. Дядю я помнила смутно, но, надо полагать, Мышильда пошла в него, ибо не было в ней ничего от моей красавицы тетки.

– Поедем? – спросила сестрица, устраиваясь напротив меня; ко всему прочему, она дурно воспитана и вечно забывает здороваться.

– Здравствуй, – вздохнула я.

– Ну, здравствуй, – нахмурилась она, при этом ее нос стал до того остреньким, что мог бы с легкостью проткнуть крышку моего стола.

Конечно, и из Мышильды моими стараниями вполне можно было бы состряпать нечто путное, но она неизменно отказывалась от моих услуг, предложенных от души и безвозмездно, исключительно с целью придать семье достойный вид, чем, естественно, раздражала меня еще больше.

Мышильда повертела головкой, постреляла глазками и спросила:

– Настроение плохое, да?

– Да, – кивнула я.

– А отчего?

– Иннокентий Павлович звонил. Хочет прыгнуть с балкона.

– Опять с вашего? Ну, это смешно, в конце концов.

– У него есть ключ от чердака.

– О господи... И что?

– Дам ему еще шанс.

– Толку от этого не будет.

– Зато я чувствую себя такой благородной.

– Как это вообще можно: дать кому-то шанс стать мужчиной? Что это вообще значит?

– Это значит не рыдать на моей груди трижды в день по поводу, а также без повода.

– Может, ему в самом деле лучше на чердак слазить?

– Как ты можешь? – нахмурилась я. – Никогда не замечала за тобой особой кровожадности...

– Да я так... к примеру. И что, пойдешь жить к нему?

– С ума я сошла, что ли? Просто не знаю, что делать, – не выдержала я.

– Ага, – кивнула Мышильда и не без ехидства заметила: – Я тебе сразу сказала: вы не пара и ничего путного из твоего замужества не выйдет. Как сказала, так и получилось.

– Точно. Накаркала, одним словом, – согласилась я.

– Я не каркаю. И вообще... где были твои глаза?

– На том же месте, где и сейчас, – вздохнула я и призадумалась.

Воспоминания унесли меня в тот день, когда я увидела последнего мужа впервые. Моя подруга судилась со своим мужем из-за имущества, которое требовалось разделить поровну, но у каждой из сторон были свои представления о половине, и дело застопорилось, вот тогда подружке и посоветовали адвоката, ловкого и чрезвычайно удачливого. Им оказался Бельский Иннокентий Павлович, мой дражайший супруг, ныне собирающийся в очередной раз упасть с балкона. Тогда он меня просто поразил: энергия была в нем через край. Остроумие прямо-таки сверкало, а о роли женщины в современном мире он говорил так, что выжимал из меня слезу. Само собой, я не смогла пройти мимо такого сокровища. Судебный процесс моей подруги он выиграл, а мы поженились.

Дома Кеша тоже много говорил: горячо и убежденно, правда, все больше о своей незавидной доле. Он уставал от работы и непонимания, ему требовался душевный комфорт и тихая пристань... Моя доля тоже стала через некоторое время незавидной, и я покинула его. С тех пор он затевал неудачные самоубийства, и мне приходилось несколько раз к нему возвращаться. Это было довольно громоздко, в том смысле, что, покидая нашу общую с Иннокентием Павловичем жилплощадь, я могла устроиться лишь в одном месте: нашей опять же общей с предпоследним мужем квартире. На это время мой предпоследний муж вынужден был переселяться в квартиру своей мамы, эта квартира пустовала, но располагалась у черта на куличках, что само по себе было неудобно. В общем, из-за глупого поведения последнего мужа мы с предпоследним находились в постоянных переездах, что, разумеется, настроения никому не прибавляло. Сейчас я не намерена была переезжать, даже если Иннокентий Павлович покажет мне ключ от чердака и заберется туда. Именно это я и сказала Мышильде. Та хмыкнула и полезла за сигаретами. Это худосочное создание имело бездну пороков, например, сестра без конца курила, чем доводила до бешенства меня, сторонницу здорового образа жизни. Я ткнула пальцем в табличку «Извините, у нас не курят», а Мышильда с кривой усмешкой сказала:

– Да ладно...

– Вышвырну, – заверила я. Она вздохнула и убрала сигареты, пробормотав:

– Пакостный у тебя характер, Елизавет Петровна. Оттого все твои мужики либо с катушек съезжают, либо впадают в пьянство.

– Хорошо хоть есть кому впадать, – не осталась я в долгу. – У некоторых сроду не было не только мужа, а и просто приличного мужика, и это несмотря на критический возраст. – Сестрица была старше меня и сейчас заметно скривилась. Потом поднялась со стула и сказала:

– Поехали, что ли?

Собирались мы на кладбище, навестить усопших родственников. Набралось их, к сожалению, предостаточно, преимущественно мужчин, которых, как я уже сказала, косила страсть к зеленому змию.

– Поехали, – ответила я и встала из-за стола.

Мышильда, задрав голову, посмотрела на меня с плохо скрываемым уважением. Тут надо, наверное, пояснить, что смотреть на меня без уважения дело нелегкое. Рост у меня завидный: метр восемьдесят девять сантиметров. В детстве меня дразнили «дылдой», а я втягивала голову в плечи, горбилась и сгибала колени, стараясь выглядеть хоть на сантиметр ниже, парни меня сторонились, соперничая друг с другом в остроумии на мой счет, а я горбилась еще больше. Но к моменту окончания школы поняла, что в мире нет особи мужского пола, ради которой стоило бы ходить на полусогнутых. Я расправила плечи, вздернула нос, вскинула подбородок и начала носить туфли с каблуком высотой двенадцать сантиметров. Моим неизменным девизом стало: «Пусть они все провалятся». Кто такие «они», я уже объяснила.

Я самостоятельная женщина, и у меня свой бизнес: что-то вроде женского клуба под названием «Имидж». Я помогаю женщинам самоутвердиться, ну и, само собой, отлично выглядеть: шейпинг, бассейн, косметолог и психолог (правда, на полставки, дерет, подлец, страшные деньги). Начинала дело в одиночку, преодолевая всевозможные трудности, но теперь могла

позволить себе завести семерых служащих. В настоящее время почти все находились в отпусках из-за мертвого сезона. Чтобы не ударить лицом в грязь, за своей фигурой я всегда следила с особым усердием и оттого выглядела сногшибательно, не в переносном, а в буквальном смысле: мало кто, увидев меня, способен был удержаться на ногах. Мышильда незаметно вздохнула и потрусила к двери, я одернула короткое, сильно облегающее платье, делающее меня просто неотразимой, и шагнула вслед за сестрицей.

Мы прошествовали к лифту. Лифтер, парень лет двадцати, завидев меня, привалился к стене, прикрыл глаза, задышал часто-часто на манер собаки, потом открыл глаза и проямлил: – Прошу вас. – Он трудился вторую неделю и еще не привык.

Я легонько потрепала его по плечу, парень расплылся в улыбке и влетел головой в дверь лифта, охнул, покраснел и нажал не ту кнопку, лифт пошел не вниз, а вверх. Парень извинился, стал нажимать подряд все кнопки, и свет в кабине погас. Мышильда нервно хихикнула, свет вспыхнул вновь, а лифт наконец-то отправился в нужном направлении.

Лифтер был недавним приобретением, двухнедельным, как я уже сказала. Когда я только открывала здесь свою контору, арендная плата была смехотворной, а табличек на дверях повешано столько, что глаза разбегались. Год назад три этажа заняла одна крупная фирма, вытеснив мелкие конторы. Моя, само собой, осталась, равно как и смехотворная арендная плата.

Мы вышли из лифта. Трое мужчин, спешивших нам навстречу, разом замерли, даже про лифт забыли, и правильно: лифтер тоже про него забыл и до сих пор размазывался по стенке.

– Просто смотреть противно, – пожаловалась Мышильда. – Ведут себя как идиоты.

– Правильно себя ведут, они идиоты и есть, – отмахнулась я и направилась к машине.

У меня новенький «Фольксваген», я отвалила за него огромные деньги, но он того стоит. Мышильда перевела взгляд с меня на машину и тяжело вздохнула:

– Везет же некоторым.

– Это кому же? – усмехнулась я, устраиваясь за рулем.

– Только не заводись, что ты сама, своими руками и так далее...

– А тебе кто мешает своими руками? – огрызнулась я.

– У меня нет твоей хватки.

– Тогда живи на свою зарплату.

– Проживешь на нее, как же, – обиделась сестрица. – Отпуск, а я здесь торчу.

– Поезжай на юг, – продолжала я вредничать.

– На какие шиши? – В этом месте она насторожилась и спросила ласково: – А ты на юг собралась?

Ясно, Мышильда уже со мной намылилась ехать.

– Отдохнуть в этом году не получится. Деньги нужны, придется покупать квартиру.

– А твоя как же? – удивилась Мышильда, или попросту Мышь.

– Что значит моя? Есть еще Иннокентий Павлович. Не могу же я его вышвырнуть на улицу. Он, чего доброго, и вправду с балкона сиганет. К тому же он прилично зарабатывал, когда мы ее покупали, и на половину жилья имеет право.

– А другая квартира?

– Там же предыдущий муж живет. Его я тоже оттуда не могу выгнать. У него полоса неудач.

– Ага, – съязвила Мышильда, – и мамина квартира. Слушай, а почему бы тебе не сделать родственный обмен, занять одну квартиру, а в другую поселить предпоследнего с последним?

Я неодобрительно посмотрела на Мышильду, хотя идея показалась мне занятной.

Мы подъехали к рынку и отправились за цветами. Парень, сидевший в «Вольво», прищепил палец дверью, еще один поскользнулся на арбузной корке, а тип, у которого мы покупали

цветы, простонав «господи», забыл взять у меня деньги. В целом поход прошел нормально. Мы загрузились в машину и поехали на кладбище.

День был солнечным, но не таким жарким, как предыдущий. На завтра обещали дожди.

– Сейчас бы к морю, – мечтательно прошептала сестрица, хитро на меня поглядывая. И совершенно напрасно: к морю я не собиралась, так же как не собиралась тратить деньги на эту Мышь неопределенной окраски. О чем я не замедлила прозрачно намекнуть.

Старое кладбище находится в черте города. Оставив машину на стоянке, мы прошли через новые ворота и по аллее направились в сторону церкви. Здесь, возле кирпичной кладбищенской ограды, похоронены наши бабушка и дедушка. С них мы обычно начинаем посещение. Могилы радовали глаз цветущими бархатцами. Мышильда принесла воды, мы немного прибрались, расставили цветы и присели на скамейку. Я посмотрела на памятник с выбитыми на нем датами. Если мужчины в нашем роду мерли как мухи, то женщины, как будто желая компенсировать их столь недолгое пребывание на земле, доживали до глубокой старости. Бабуля отметила свой девяностолетний юбилей и скончалась на следующий день, пережив супруга на тридцать лет. Думаю, дедушка ее дождался с большим трудом. Впрочем, судя по рассказам, встреч с дражайшей половиной он никогда особенно не искал. По белу свету его носило от Львова до Шанхая, а бабушка была тяжела на подъем и за ним не поспевала.

Мышильда полезла за сигаретами, а я рывкнула:

– Не смей при бабке.

– Глупость какая, – разозлилась сестрица, но закурить все же не решилась, вздохнула, посмотрела на меня и сказала: – А у меня бабушкины бусики остались, янтарные. Она еще в них на фотокарточке, помнишь, возле дома с сокровищами?

– Помню, – кивнула я и вздохнула. Ключевая фраза была произнесена, и мысли, мои и Мышильдины, само собой, потекли в одном направлении.

– Как думаешь, – через некоторое время спросила сестрица, – они там?

– Кто? – прикинулась я дурочкой.

– Сокровища, конечно.

– О господи... – Я покачала головой и отвернулась.

– Думаешь, рассказы? А помнишь, в детстве мы с тобой мечтали, когда вырастем, поедем и найдем их.

– Помню. В детстве все мечтают о сокровищах.

– Но не у всех родной прадед их зарывает, – обиделась Мышильда и, облизнувшись, спросила: – Чего там спрятано-то, я забыла?

Как же, забыла она.

– Тридцать золотых червонцев, – заунывно начала я старую-престарую семейную сказку. – Три колье, одно с большим бриллиантом и четыремья маленькими, другое с изумрудами, третье с гранатами.

– Прабабкино приданое. Обручальное кольцо, тоже с бриллиантом... – подхватила Мышильда. Перечислив все до последней броши и булавки, мы с облегчением вздохнули, после чего Мышильда с грустью спросила: – Неужели все это правда где-то лежит?

– Брехня, – нараспев завершила я, разводя руками.

– Ну почему «брехня»? – обиделась Мышильда. – По-твоему, бабка все выдумала?

– Не бабка, а дедка. Небось спустил все на актерок, а бабке наврал, что спрятал.

– Какие актерки? – обиделась за прадеда сестрица, а я рукой махнула.

Рассказы о кладе я слышала с самого детства. История выглядела так: наши предки проживали в начале века в одном из старинных русских городов, ныне крупном областном центре. Прадед был из купцов, единственный ребенок в семье, рано лишившийся родителей. Нравом кроток, к зелью равнодушен. К тридцати пяти годам удвоил родительский капитал и выгодно женился на мещанке Авдотье Нефедовой, семья которой промышляла огородниче-

ством и отнюдь не бедствовала. Авдотья родила ему троих сыновей, отчего, надо полагать, кроткий нрав моего прадеда неожиданно изменился, он стал впадать в буйство по причине внезапно обнаружившейся большой тяги к горячительным напиткам. Прабабка, спасаясь от мужниных приступов белой горячки, бежала к родителям, а подростки сыновья остались с отцом. Состояние семьи было заметно подорвано, и тут грянула революция. Прадед встретил ее с лозунгом «Помирать, так с музыкой» и ударился в запой, предварительно спрятав на черный день тридцать царских червонцев, а также золото-бриллианты. Запой кончился тем, что почтенный купец вышел на улицу голым. Новая власть, возможно, сочла бы это за протест против старой морали, но семейный врач с этим не согласился, и прадеда упустили в сумасшедший дом, где он вскорости и умер, успев шепнуть старшему сыну, то есть моему деду, что золото-бриллианты зарыты в подполе под кухней, возле большой бочки. Как видите, указание грешит неточностью. Над страной тем временем занялась заря новой жизни, дед был арестован, чудом избежал расстрела, покинул родной город и долго странствовал, пока не женился и не осел в нашем городе. В огне гражданской войны сгинули оба его брата, и дед остался единственным наследником спрятанных сокровищ. На их поиски он отправлялся дважды: до и после Отечественной войны. После войны уже вместе с моим отцом. В родном доме жили чужие люди, а время было такое, что о сокровищах вслух говорить не следовало. Обе экспедиции успехом не увенчались. Мой отец в одиночку предпринял попытку отыскать клад, потом еще дважды отправлялся на поиски с друзьями, но каждый раз неудачно: не только до царских червонцев, но и до подпола добраться никак не удавалось. Народ в бывшем бабкином доме проживал на редкость недоверчивый и осторожный. Последняя попытка отыскать сокровища была предпринята моими двоюродными братьями несколько лет назад. Конечно, вернулись они ни с чем. Дом к этому времени совсем обветшал, часть его снесли, а часть перестроили. Так что определить, где кухня и под ней подпол, а в подполе большая бочка, стало затруднительно. Но мысль о сокровищах неизменно будоражила наше семейство. Ни одно застолье не обходилось без заунывного перечисления бриллиантов и изумрудов, а также наполеоновских замыслов по их обнаружению. То, что Мышильда, глядя на могильную плиту предков, вспомнила о кладе, меня не удивило. Но раздосадовало. И я потащила ее к другим родным могилам, переведа разговор на дела земные. Мышь задумчиво кивала в ответ и вдруг брякнула:

– Елизавет Петровна, давай съездим.

– Куда? – растерялась я.

– Как куда? В места обитания предков. Посмотрим на дом, и вообще...

– Чего на него смотреть?

– Ну... интересно. Жили люди, нам не чужие.

– От дома ничего не осталось, и смотреть там нечего. А если ты все же на сокровища намекаешь, так я в них не верю.

– Сокровища есть, – убежденно заявила Мышильда. – Просто добраться до них сложно. Кто всегда отправлялся на поиски? Мужики. Не хочу обидеть родственников, но мужики в нашем семействе, кроме как ростом да гиблой страстью к запоям, ничем похвастать не могут. Кладоискатели из них, как из меня штангист. Они в дом-то ни разу войти не смогли. То ли дело мы. Перед тобой любой мужик дверь распахнет и первый в подпол полезет, исключительно из-за твоего удовольствия. Отчего б и не рискнуть, а?

Мне стало ясно: коварная Мышильда, поняв, что на юг я ее в этом году не повезу, решила использовать семейное предание в корыстных целях: прокатиться за мой счет за триста километров и пожить в древнем русском городе в комфорте и довольстве. Мышь делила коммуналку с тремя веселыми соседями и, само собой, мечтала хоть в отпуск вырваться из этого рая. Чтобы испортить ей настроение, я поинтересовалась:

– А кто будет финансировать экспедицию?

Лицо сестрицы еще больше вытянулось, глазки сверкнули, и она, тяжело вздохнув, затихла.

Закончив обход кладбища, мы побрели к стоянке, где нас ожидал мой «Фольксваген». К сожалению, не один. Рядом с ним пасся инспектор ГАИ, весело насвистывая и зазывно поглядывая по сторонам, а я только теперь обратила внимание на табличку, под которой пристроила свою машину, – «Только для служебного транспорта».

– Отшить его? – подхалимски предложила Мышь, как видно, все еще мечтая о сокровищах. Я пожала плечами и зашагала решительнее.

– В чем дело? – пропела я ласково. Страж порядка резко повернулся и замер. Нос его находился как раз на уровне моей груди. Он приподнял голову, слабо охнул и начал заваливаться влево. – Жарко сегодня, – посочувствовала я. Он снял фуражку, помотал головой, моргнул два раза и попробовал что-то сказать. Мы загрузились в свое транспортное средство и отчалили, страж сделал попытку помахать нам рукой.

– И после этого ты не хочешь попробовать? – снова полезла ко мне сестрица. Мысль провести отпуск в коммунальном раю ее не вдохновляла.

– Я подумаю, – лениво кивнула я с целью отделаться от глупых разговоров и увеличила скорость, что позволило мне высадить Мышильду через двадцать минут. Она с грустью во взгляде сказала:

– Пока, – и исчезла в своем подъезде, а я направилась к своему дому.

В квартире меня ждал сюрприз. На диване бочком, сложив руки на коленях, сидел предпоследний и поглядывал на меня с некоторым томлением. По моему мнению, в настоящий момент он должен был находиться в квартире своей матушки, а не сидеть на диване с таким дурацким видом. Об этом я ему и заявила. Предпоследний, томясь и потирая ладошки, поднял на меня затуманенный взор и сказал:

– Елизавета, я решил вернуться.

– В эту квартиру? – уточнила я.

– Нет, – отчаянно помотал он головой. – Я хочу вернуться к тебе.

– Вы что, все с ума посходили? – возмутилась я.

– Нет, – опять помотал он головой. – Я долго думал и понял. Мы созданы друг для друга. Я покончил с пьянством. Все, – предпоследний рубанул рукой воздух и замер, выжидательно глядя на меня.

– Когда покончил? – спросила я.

– Вчера, – охотно ответил он. – Заметь, даже не похмелился.

Он подобрал животик и с улыбкой уставился в мое лицо. Предпоследний, зовут его, кстати, Михаил Степанович, у меня непризнанный гений. Величайший поэт всех времен и народов, а также обладатель неповторимого голоса и большой любитель русских народных песен. Других достоинств нет. За всю свою жизнь, а Михаилу Степановичу уже к сорока, он дважды пытался начать трудовую карьеру: первый раз корреспондентом заводской газеты «Гудок», откуда вскоре был изгнан за пьянство, а второй – комендантом заводского общежития, откуда ушел сам, ибо должность сия не соответствовала его интеллектуальным запросам. Ряд моих попыток пристроить куда-либо дражайшего супруга успехом не увенчался.

На момент нашего знакомства он исполнял арию Базилио в народном театре и тыкал в лицо всем знакомым тощую книжку своих стихов, изданную на средства его матушки, в то время заведовавшей трестом столовых и ресторанов. Он целовал мне руки, закатывал глаза, шептал: «Венера» – и в первый же вечер предложил выйти за него замуж. У меня необоримая тяга к интеллигенции, и я согласилась. Через неделю после свадьбы Михаил Степанович начал писать роман, который должен был перевернуть всю литературу (зачем ее переворачивать, он так и не объяснил), через год он все еще пребывал на третьей странице, но был переполнен грандиозными замыслами. Я предложила ему устроиться на работу. С отчаяния он запил, а

ко мне обращался в стихах, где умолял не губить его талант. Просто лодырь – это одно, а лодырь-пьяница – совсем другое. Я почувствовала себя ответственной за него и стала бороться, а Михаил Степанович принялся пить еще больше. Его матушка перед своей кончиной прямо заявила, что я – погибель ее сына. В конце концов зеленый змий победил, я оставила супруга в покое, он попивал, пописывал стихи, исполнял русские народные песни на нашей кухне и даже смог перевалить в своем романе за шестую страницу. Примерно в это же время я встретила Иннокентия Павловича. Его речи о роли женщины в современном обществе произвели на меня впечатление, я поняла всю безысходность своей жизни с Михаилом Степановичем и покинула его. Только трехнедельный запой помешал тому в отчаянии наложить на себя руки. Выйдя из запоя, Михаил Степанович написал два стихотворения, в одном из которых назвал меня гремучей змеей, а в другом одалиской, и каждый понедельник заскакивал ко мне на работу занять денег. В общей сложности накопилась внушительная сумма долга, именно поэтому он безропотно кочевал с одной квартиры на другую по первому моему требованию.

Предпоследний подтянул короткие ножки с целью скрыть от меня дыру существенной величины в районе большого пальца левой ноги, сложил на животе пухлые ручки и, дважды моргнув, сказал:

– Я уже вижу его, чувствую.

– Кого? – нахмурилась я.

– Роман.

Я сбросила туфли, села в кресло и двадцать минут терпеливо слушала, что Михаил Степанович видел и чувствовал.

– У меня необыкновенные ощущения, – прикрыв глаза, заявил он. – Точно все в моей власти. Сегодня встал с утра и написал стихотворение. – Тут он поднялся и, простирая ко мне руки, начал декламировать, а закончив, спросил: – Как?

– Гениально, – кивнула я. – Особенно вот это «бестрепетно покинула меня» – сколько чувства, как емко, как сильно сказано.

– Да? – насторожился он.

– Да, – подтвердила я и предложила: – Хочешь, накормлю тебя обедом?

– Я голоден, – кивнул он, – со вчерашнего дня. Знаешь ли, когда мысли бурлят и переполняют, не до пищи телесной...

– Конечно, – согласилась я, задержав взгляд на объемистом животе предпоследнего, и решила его осчастливить: – Почему бы нам не сделать родственный обмен?

– Какой? – насторожился Михаил Степанович.

– У меня полквартиры здесь и полквартиры у Иннокентия Павловича. Я заселяюсь в ту квартиру, а Иннокентий Павлович в одну из этих комнат. Далее вы, не торопясь, размениваете данную жилплощадь.

– А как же я? – ахнул предпоследний. – Ты подумала обо мне? В тот момент, когда ко мне вернулись творческие силы, ты предлагаешь заниматься такой ерундой, бегать по объявлениям...

– Стоп, – пресекла я. – Квартира моя.

– Елизавета... – промямлил Михаил Степанович и даже выдавил из себя слезу. – Мне нужна твоя поддержка. Нам надо жить вместе. Я чувствую, в этом наше спасение.

– Ясно, – вздохнула я. – В долг больше никто не дает.

Он запечалился.

– Ты же знаешь, мой единственный доход – мамина квартира, но когда я живу в ней сам, дохода она не приносит.

– Поэтому ты решил вернуться?

– Я бросил пить, – напомнил он.

– Деньги кончились?

– Я понял: жизнь без тебя не имеет смысла. И я уже перенес свои вещи в маленькую комнату.

– Да? – обрадовалась я. – А Иннокентий Павлович разжился ключом от чердака и лезет на крышу.

– Аферист, – презрительно бросил предпоследний и с достоинством сообщил: – Я занял у соседки денег, чтобы расплатиться за такси.

– Отдашь с первого гонорара, – кивнула я и направилась к двери.

– Ты не оставишь меня, – перешел Михаил Степанович на трагический шепот.

– Суп в холодильнике, солянка на плите.

Он бухнулся на колени и лбом уткнулся в пол. Обхватил мои ноги руками и горько заплакал, перемежая всхлипывания выкриками: «Елизавета». Значит, плохи дела: не только в долг не дают, но и к столу уже не приглашают. И теперь перед ним трагический выбор: либо умереть, либо начать работать. Я потрепала его по плечу и сказала:

– Есть место дворника.

Он вскрикнул и побледнел.

– А также сторожа. Сутки дежуришь, двое дома.

Михаил Степанович сполз на пол и распластался у моих ног. С трудом дотянувшись до сумочки, я извлекла кошелек, пересчитала деньги и положила сотню на журнальный столик.

– Все, – сказала я сурово.

В этот момент в дверь позвонили. Осторожно перешагнув через Михаила Степановича, я пошла открывать. На пороге стоял Иннокентий Павлович в мятом костюме, с галстуком, сбившимся набок. Волосы взлохмачены, глаза горят нездоровым блеском, знакомый аромат коньяка известил мое обоняние, что последний основательно поддержал себя перед решительным разговором.

– Лиза, – начал он, но я перебила:

– Момент, Михаил Степанович еще не закончил свой монолог.

Последний с любопытством заглянул в комнату, где Михаил Степанович орошал слезами ковер на полу, а я пошла к телефону и набрала номер Мышильды.

– Алло, – пискляво отозвалась она, а я осчастливила ее:

– Собирайся в экспедицию.

– Ты это серьезно?

– Конечно.

– А деньги?

– Деньги – мои проблемы.

– Мы правда туда поедem? – недоверчиво переспросила сестрица.

В этот момент оба бывших супруга простерли ко мне руки с воплями:

– Елизавета... – один басом, другой дискантом, и я рывкнула:

– Да хоть к черту.

Сборы были недолги. Я легка на подъем, а в тот день на меня напала особая легкость, чему немало способствовали два обстоятельства: вопли Михаила Степановича за стеной, походившие на рев раненого медведя, причем медведя музыкального (он то и дело сбивался на мотив популярной ямщицкой песни), и ночное бдение Иннокентия Павловича в кустах возле дома. Он занял там позицию ближе к одиннадцати вечера, курил, смотрел томно на мои окна и время от времени устраивал под ними пробежки, восклицая: «Ах, Лиза, Лиза», чем очень волновал меня и нервировал соседей. К утру я была готова отправиться куда угодно. Южный берег Крыма, безусловно, предпочтительней, но я уже обещала Мышильде, что возьму ее с собой, а везти ее к морю не хотела из вредности. Хочется ей искать сокровища, пусть ищет.

В девять утра Иннокентий Павлович, вдоволь набегавшись, возник на пороге моей квартиры. Михаил Степанович оглашал громким храпом жилище, но звонок в дверь его потревожил, и он предстал перед нами в оранжевой пижаме и разных тапочках.

– Иннокентий Павлович, – сказал он с достоинством. – Не мешало бы вам подумать о людях. Мы отдыхаем. Вчера вы и так слишком долго отвлекали Елизавету от домашних дел, а сегодня в такую рань мы вновь вынуждены вас видеть.

– Да пошел ты... – ответил Иннокентий Павлович, который, будучи на восемь лет моложе и чуть крупнее своего предшественника, иногда сгоряча мог себе и позволить кое-какие вольности.

– В чем дело, Лиза? – вскинув голову, мелодично пробасил Михаил Степанович, а я с улыбкой сообщила:

– Вынуждена вас покинуть. Отбываю в экспедицию.

– А как же твоя работа? – забеспокоился Михаил Степанович (к моей работе он относился с трепетом).

– Мертвый сезон, – утешила я. – Отправляюсь сегодня.

– С кем? – насторожился Иннокентий Павлович.

– С сестрицей, а вы тем временем займитесь разменом квартир.

Развернувшись на пятках, я пошла за чемоданами. Оба бывших сунули головы в дверь и стали наблюдать за мной, потом в два голоса спросили:

– Ты куда?

– За сокровищами, – охотно сообщила я.

– За какими? – проявил интерес Михаил Степанович.

– За семейными.

– Это опасное предприятие, – встревожился он. – Рядом с тобой должен быть мужчина.

– Может, повезет, – пожалала я плечами.

– Я хотел сказать, что мог бы поехать с тобой, – обиделся Михаил Степанович, а Иннокентий Павлович двинул его в ребра локтем, вроде бы нечаянно, и заметил:

– А почему это вы? Я тоже могу. И у меня отпуск. В конце концов, я имею больше прав.

– Плевать, – презрительно бросил Михаил Степанович, театрально выбросив вперед ладонь. – Я люблю Лизаньку, любовь выше условностей, что нам людское мнение...

Иннокентий Павлович опять двинул локтем, и Михаил Степанович декламацию прекратил.

– Все, ребята, – заявила я, с улыбкой глядя на них. – Вы тут развлекайтесь, а я вслед за мечтой... Михаил Степанович, как там дальше?

– Белеет парус одинокий, – грустно сказал Иннокентий Павлович, а Михаил Степанович забеспокоился:

– Лизанька, а экспедиция продлится долго?

– До первых морозов, – ответила я.

– А как же... я имею в виду... – В этом месте он трагически вздохнул, а я перевела взгляд на журнальный столик. Сотня уже исчезла. Заметив мой взгляд, Михаил Степанович приуныл и ссутулится.

– Тебе следует немного похудеть, – бодро заявила я и скомандовала: – Берите чемоданы и к машине.

Предварительный этап намеченной экспедиции на этом не закончился. Заехав за Мышильдой, которая тоже собрала три чемодана, непонятно зачем – проку от ее нарядов как от дождя в январе, мы отправились к ее маме, моей тетке. Она проживала в бабушкином доме, где хранились семейные реликвии. В то, что мы решили искать сокровища, тетка Анна поверила не сразу. Мышильде она вовсе не верила, в принципе и никогда, обвиняя в хитрости и двуличии, унаследованном от сбежавшего родителя.

– Лизка, неуж правда? – спросила тетка, напоив нас чаем и внимательно выслушав.

– Правда, – кивнула я. – Если они там есть, я их найду.

– Ага, – легко согласилась тетка и пошла в чулан, откуда вернулась с коробкой из-под сапог. В коробке хранились материалы предыдущих экспедиций, а также скудные сведения о доме с сокровищами.

На свет божий были извлечены: фотография дома, сделанная в 1917 году фотографом-соседом, большим любителем родного города, снимки прабабки на фоне крыльца того же дома, еще с десятков фотографий, выполненных в разные времена. С трудом можно догадаться, что видим мы одно и то же сооружение, год от года претерпевавшее все большие и большие изменения. Сдвинув головы над столом, мы занялись изучением фотографий и нескольких планов дома, а также карт, где отчий дом был привязан к местности. Через час я знала все, что хотела. Тетка Анна перекрестила меня и сказала:

– Ты найдешь.

– Служить семье всегда рада, – гаркнула я, потом склонила голову и удостоилась теткиного поцелуя.

Тетка ниже меня ростом на восемь сантиметров и уже несколько лет считает меня в семье старшей. Мужики спивались и хирели, семья делала ставку на меня. Тетка торопливо перекрестила свою бесцветную дочь и напутствовала:

– Не язви. Слушай Лизку. И не воображай, что у тебя есть ум.

– Ну, маменька, – рычала Мышильда уже в машине. – Ну, утешила. Всю жизнь ты у нее любимое чадо.

– Мы похожи, – усмехнулась я.

– Ага. Гаргантюа и Пантагрюэль.

– Они были обжоры, а у меня объем талии пятьдесят восемь сантиметров, и это при моем росте. А у тебя, худосочная, сантиметров семьдесят, не меньше.

– Шестьдесят два, – разозлилась Мышильда и покраснела, она всегда краснеет, когда врёт.

– Так я тебе и поверю, – хохотнула я и сосредоточилась на дороге. Мышь смотрела в боковое окно и к общению не стремилась. Тут мне в голову пришла одна веселенькая мысль.

– Слушай, а что, если мы действительно отыщем клад?

– Ну? – не поняла Мышильда.

– А как же твоя гражданская совесть?

– А твоя?

– Что «моя»? У меня совесть хорошо воспитана: не просят – не лезет.

– А моя от твоей заразилась.

– Утаишь клад от государства? – ухмыльнулась я. Мышь задумалась, потом сказала:

– Утаю. Частично. Положим, червонцами можно поделиться с государством, нам процент положен. А золото, бриллианты... это фамильное. Досталось от бабушки. Необязательно языком болтать, что в земле нашли.

– Ясно, – обрадовалась я. – Алчное и двуличное создание – вот ты кто.

– А ты... – Мышильда вспомнила, что сидит в моей машине и отдыхать или искать клад едет на мои деньги, и с огорчением замолчала.

Дождь, вопреки прогнозу, так и не начался. Мы мчались навстречу неизвестности.

В город предков мы въезжали ближе к вечеру. Он встретил нас садами, огромным мостом через реку и громадой древнего собора на холме. Купола блестели на солнце, в бездонном небе порхали ласточки, а грудь распирало от желания продекламировать что-нибудь подходящее к случаю.

– «О Волга, колыбель моя...» – вспомнила я начальные строки, но Мышильда и тут все испортила.

– Это не Волга, – заявила она.

– А то я не знаю... – Читать стихи вслух мне расхотелось. Больше из упрямства я продолжила мысленно, но далее шести строк дело не пошло, и это тоже огорчило. Мышильда беспокойно завопилась рядом и сказала:

– Для начала надо найти приличную гостиницу.

– Зачем? – ласково спросила я.

– Что значит «зачем»? Где мы будем жить?

– Вблизи родового гнезда, естественно. Мы сюда не бока отлеживать приехали, а трудиться.

– А спать в машине, что ли? – нахмурилась Мышильда, а я порадовалась – в отдыхе на дармовщину есть свои отрицательные стороны.

– Спать будем там, где добрые люди положат, – степенно ответила я. – Едем к родовому гнезду и попытаемся где-нибудь по соседству снять квартиру.

– Да там вокруг частный сектор и без удобств скорее всего.

– Отлично. Близость к природе меня вдохновляет.

– А меня нет.

– Как ты, интересно, думаешь, проживая в гостинице, производить раскопки?

Мышь об этом не думала, она обиженно посопела и заметила:

– Тогда надо остановиться и сориентироваться.

– Для начала предлагаю обзорную экскурсию по исторической родине, – сказала я.

Историческая родина очень понравилась мне и даже Мышильде, которой обычно нелегко угодить из-за ее врожденной склонности противоречить всему и всем.

– Красиво, – кивнула она, вертя головой во все стороны. – Давно наведаться надо было. Всего-то пять часов езды.

– Да, – согласилась я и притормозила. – Смотри, указатель на речной вокзал, значит, нам туда.

Мышильда извлекла карту.

– За поворотом должна быть улица Верхнеслободская, а чуть ниже наша – Гончарная, или Чкалова, бог знает, как ее теперь называют.

– Сейчас узнаем, – заверила я. Новенькая вывеска радовала глаз. – Улица Гончарная, – прочитала я, испытывая некоторое удовлетворение оттого, что улице вернули ее старое название. – Дом семьдесят шесть, а наш седьмой.

– Значит, поезжай прямо. – Мышильде не сиделось на месте, она ерзала и была готова вывалиться в открытое окно.

Под лай собак и взгляды старушек на скамейках мы с шиком прокатились до тринадцатого дома, испытывая некоторое, вполне объяснимое нетерпение. Здесь улица делала плавный поворот, мы тоже сделали и ошалело замерли. Пятый дом смотрел на нас сияющими чистотой окнами, девятый тоже смотрел, правда, без сияющей чистоты, а вот седьмого не наблюдалось. Вместо него простирался пустырь, спереди заросший терновником, а на остальном обширном пространстве крапивой.

– А где же он? – растерялась Мышильда.

– Черти слопали, – нахмурилась я. Дома в самом деле не было. Куда он мог подеваться?

Я выбралась из машины и подошла ближе к пустырю. Сзади раздался вопль и грохот ведер, я повернулась и увидела на тротуаре мужичка в трико, желтой майке и луже воды, он слабо дергал босыми ногами и тарасил глаза. Два ведра катились по проезжей части. Я подняла емкости и подошла к мужичку с застенчивой улыбкой.

– Вам помочь? – спросила я ласково.

Он прикрыл глазки, вздохнул, потом с трудом поднялся, при этом сделался немногим выше: ростом он был с сидящую собаку, его нос пребывал теперь где-то в районе моего желудка. Задрав голову, он взглянул на меня и, раздвинув рот до ушей, как-то разом поглупел. Тут к нам подскочила Мышильда и спросила:

– Не знаете, куда делся седьмой дом?

– Сгорел, – ответил дядька и нахмурился, без всякого удовольствия глядя на сестрицу.

В этот момент я обратила внимание, что на всем обозримом пространстве улицы возле домов стоят люди и смотрят на нас с выражением крайнего удивления. Дядька перевел взгляд с Мышильды на меня и опять блаженно улыбнулся. Я сделала сестрице знак молчать и обратилась к нему:

– Где нам можно снять комнату? Дней на десять?

Он с ходу ткнул пальцем в дом номер девять.

– А не скажете, хозяйка сейчас дома?

– Дома, то исть нет. Я хозяйка, то исть хозяин.

– Отлично, – кивнула я с ободряющей улыбкой. – Может, войдем в дом и там поговорим?

– Войдем, то исть входите.

– А машину можно к палисаднику подогнать?

– Хоть в огород, хоть в палисадник.

– Мышильда, принеси воды, – сказала я, направляясь к «Фольксвагену». Сестрица без особой охоты подчинилась и пошла с ведрами к колонке, которая находилась метрах в тридцати от дома. Дядька все еще стоял навтыжку, застенчиво шевеля пальцами ног.

Когда я подогнала машину, а Мышильда вернулась с полными ведрами, он наконец опомнился и вприпрыжку бросился к родному дому, распахнул дверь и, отвесив поясной поклон, сказал с чрезвычайной любезностью:

– Заходите, вот сюда, прошу то исть...

Мышильда с ведрами в руках с трудом протиснулась мимо него, определила ведро на лавку возле стены и первой вошла в дом. Дом был большой и несколько захламленный. Было ясно с первого взгляда – хозяйка отсутствовала. Однако назвать дом совсем уж заброшенным, а тем более бедным, значило бы грешить против истины. Мебели было в избытке, старой, но добротной, а в буфете, стоявшем рядом с газовой плитой, красовался сервиз «Мадонна», недавний предел мечтаний всякой хозяйки. На столе наблюдались остатки трапезы и следы возлияний «на двоих».

– Вот оно, значит, – сказал дядька, разводя руками. – Здесь то исть и живу.

– Отлично, – заявила я. – Где нам следует разместиться и сколько за постой должны будем?

– Размещайтесь, где удобнее, я сам-то сплю в кухне, вот здесь, на диванчике. А за постой – сколько не жалко.

Предложение мне понравилось, я решила свести знакомство с хорошим человеком, протянула руку и представилась:

– Елизавета.

– А по отчеству как? – поинтересовался дядька, заметно скривившись от моего рукопожатия.

– Петровна. Но отчество необязательно. А вас как звать-величать?

– Евгений Борисыч, но тоже без отчества можно. Люди мы простые, ни чинов, ни званий... не удостоили то исть... Вот, значит... – Он немного потряс кистью правой руки и затих, а я сказала:

– Может, Евгений Борисович, тогда в магазин сносишься? Я аванс выдам в счет прожигания, да своих малость прибавлю. Вечер на дворе, пора ужинать. Посидим, познакомимся.

– Это мы мигом, – обрадовался хозяин, я выделила сотню, и он потрусил в магазин, забыв обуться.

– А как меня зовут, даже не спросил, – насупилась Мышильда.

– Ничего, прибежит – познакомишься. Давай-ка приברי на столе, а я вещи из машины перетащу.

Пока Евгений Борисович отсутствовал, мы присмотрели для жизни террасу, решили обосноваться там, распаковали чемоданы. Мышильда разогрела картошку, заправила салат майонезом, который обнаружился в холодильнике рачительного хозяина, а я перемыла горю посуды, накопившуюся не иначе как за долгие годы, и даже подтерла пол в кухне. Наконец вернулся хозяин, принес три поллитровки и сумку снеди, преимущественно финского производства. Мышь скривилась, а я стала накрывать на стол.

Евгений Борисович на носочках прошел к столу и сел, слегка посверкивая глазками, демонстрируя таким образом большую радость. Помявшись, сказал удовлетворенно:

– С порога видать, что хозяйка появилась. Чистота.

– Это мы всегда с охотой, – заверила я. – Познакомьтесь, сестрица моя, Мария Семеновна. В смысле уборки и заботы о пропитании ей нет равных.

Мышь скривилась и кивнула с неохотой, а Евгений Борисович приподнялся и сказал:

– Здрасьте.

– Он что, меня раньше не видел? – зашипела Мышь, а я ответила:

– Может, у него зрение плохое?

Нарезав колбаску, окорочок, сырок и грудинку, мы сели за стол. Хозяин вдруг вскочил и кинулся вон из дома, на ходу крикнув:

– Огурчиков внесу, прошлогодние, но ядреные, аккурат под водочку...

– Чего мы здесь сидим? – разволновалась Мышильда.

– Водку пить будем.

– Какой прок с водки, если дома нет? Исчез, испарился, и место крапивой заросло. Дура я, что ли, в свой кровный отпуск воду с колонки таскать да водку жрать в компании с каким-то недоделанным.

– Дура или нет, не скажу, по-разному считаю: иногда вроде дура, а бывает – вроде нет.

Мышильда нахмурилась, а я спросила:

– Зачем тебе дом? Сокровища не в доме, а в земле зарыты. Наше дело найти место, где была кухня, и копать. Выходит, хлопот меньше. А если б в доме люди жили, как бы ты объяснила, что тебе в их подполе надо?

Мышильда задумалась, тут в кухню влетел Евгений Борисович, прижимая к груди две трехлитровые банки: одну с огурцами, другую с помидорами.

– Вот, мамашин засол, – сказал, ставя банки. – Царство ей небесное, – добавил он, торопливо перекрестясь на угол с иконой Спаса за занавесочкой. Вскрыв банки, мы наконец сели, и Евгений Борисович разлил по маленькой. Маленькая у него была, как у нас большая, но спорить мы не стали.

– За знакомство, – предложил он, покачал головой, с отчаянием посмотрел в стакан, точно собирался в нем утопиться, и выпил. Мы тоже выпили и с аппетитом закусили.

– А что, Евгений Борисович, – начала я, – хозяйка-то ваша где?

– Супруга то исть? Лишился, через пристрастие вот к этому делу, – он щелкнул пальцем по бутылке. – Годов семь как расстались. Сын в настоящий момент служит в армии, долг исполняет. А я вот... – он вздохнул и окинул кухню затуманившимся взглядом, – мамашу схоронил. Двадцать пятого числа будет сорок дней. Царство ей небесное...

– Значит, один хозяйничаете?

– Один... как есть. Маетно, мысли всякие одолевают, как мамаша-то померла. Хотел взять на постой кого, так ведь кто пойдет? Услуги в огороде, вода в колонке. Газ, правда, природный... А взять пьянь какую – боязно. Как бы не обчистили.

– Да, с этим надо осторожней, – согласилась я и предложила: – Наливай-ка, Евгений Борисович, еще по одной.

– Со всем нашим удовольствием...

Мы выпили, закусили, и наш хозяин поинтересовался:

– А вы по какой нужде-надобности в наши края? Номер-то на машине не нашенский.

– У нас что-то вроде экспедиции... Дом, что по соседству с вами стоял, принадлежал нашему с Марией Семеновной прадеду. А в семье утверждают, что в доме был клад зарыт. Вот мы и решили попытать счастья. Конечно, кому попало об этом болтать бы не стали, а вам, хозяину то есть, как на духу. И на помощь вашу рассчитываем.

Мышильда вытаращила глаза и даже под столом ногой меня пнула. В ответ я тоже пнула ее, она глухо застонала и закатила глазки.

– Клад? – протянул Евгений Борисович и усмехнулся. – А что, может, и есть. Домом этим тьма народу интересуется. Вот только давеча были. Осматривали. А чего увидишь? Крапива да терновник...

Мы с Мышильдой переглянулись.

– А что за люди были?

– Поди разбери. Может, родственники ваши? – хитро прищурившись, спросил он.

– Никак не может быть, – заверила я. – Все наши отсюда отчалили, конечно, те, кого бог не прибрал. Мы ведь из купцов, а мода на них после революции прошла, вот и перебрались все на новое место, где заделались пролетариями.

– Ясно. Может, каким макарон вывели про клад и шарят... – Он перегнулся через стол ближе к моему лицу и зашептал: – Народишко-то темный. Из этих... – Евгений Борисович мотнул головой, указывая весьма неопределенное место. – С такими лучше под мостом не встречаться.

– Бандиты, что ли? – заговорщицки шепнула Мышильда, разливая по третьей.

– Думаю, они. По всему выходит... – закивал он. – Такой народ, что о-го-го. И все спрашивают: не был ли кто, не интересовался? А Клавдия из второго дома говорит: милиция шибко интересовалась, и вами, говорит, тоже. А они ей: ты, говорят, бабка, смотри. Как бы, говорят, тебе в реке не утонуть. Прямо так и сказали. Клавдия врать не будет, ну если только самую малость.

– Если им нужен клад, так отчего не роют?

Евгений Борисович задумался, разлил по четвертой, а потом ответил:

– А вот этого я вам сказать не могу. Может, нельзя им, может, хранить положено?

– Как-то это не выглядит, – с сомнением покачала я головой. Он еще немного подумал и согласился со мной. Выпив четвертую, он вдруг хлопнул себя рукой по лбу и довольно хихикнул.

– Чего вспомнил? – насторожилась я.

– Жилец у соседки. У Аньки Сытиной, из соседнего дома, то есть из пятого.

– Жилец? – не поняла я.

– Ну. Заселился три дня назад, точно, в четверг вечером. Наш, местный. Говорит, будто с женой не ужился, вот и встал на постой к Анне. На работу не ходит, вроде как ищет работу-то, а хозяйка приметилла, что он по пустырю шарит. Чего-то вроде бы приглядывает. Я ей сегодня сказал, мол, гуляет человек, где больше нравится. А теперь, как вы про клад сказали, думаю, может, и он того... клад приглядывал?

– Надо на соседа взглянуть, – задумалась я. – Может, действительно кто из наших?

– Наши все на виду и в запое, – покачала головой Мышь и добавила: – Только конкурентов нам и не хватало.

Я немного поразмышляла и обратилась к Евгению Борисовичу:

– А пустырь этот чей? Кому принадлежит?

– Так ведь пустырь и есть пустырь, ничейный то исть. Бросовая земля. Может, кто выхлопочет под строительство. Место у нас красивое, река рядом, да и до центра рукой подать. Пятнадцать минут ходу, и вот тебе троллейбус... Хотя богатеи к нам не поедут: услуг нет, канализацию и водопровод проводить надо, а богатеи-то копеечку считают. Так что мне, видать, придется до смерти с пустырем этим жить в соседстве.

– А давно ли дом сгорел?

– Прошлым летом. В мамашин сороковой день аккурат год будет. Я эту ночь помню, точно вчера была. В стене с улицы до сих пор след от пули видно. Можете посмотреть.

– От пули? – слегка обалдели мы.

– От пули, – невероятно обрадовался хозяин. Я разлила по пятой.

– Рассказывай, Евгений Борисович. Кто в доме жил, и отчего стреляли.

Мы выпили, закусили огурчиком и уставились на него. Он довольно ухмыльнулся, pokrutil головой и сказал:

– История такая... Чистый детектив. Дом-то горел дважды, до того как вовсе не сгинул то исть. Напасть какая-то, точно наговорено. Мамаша, покойница, все ворчала: мол, спасу нет от ихнего соседства, не ровен час и мы сгорим. Первый раз при Пелагее горели, при старой хозяйке. Заполыхал флигель, всей улицей тушили, пожарные-то опоздали малость. Тогда-то флигель сломали и терраску пристроили. А как Пелагея померла, дом на троих разделили – большой, крепкий, его б в хорошие руки, еще б сто лет простоял. Разделили на троих, между детьми. Дочери передняя половина да терраска, а сыновьям по две комнаты сзади. Сыновья-то сгинули, непутевые были: один в тюрьме помер, а другой то ли тоже богу душу отдал, то ли просто пропал, никто не знает. Часть дома Татьяна, Пелагеина дочь то исть, продала. Заселились туда какие-то и сгорели в первую же зиму. Тогда еще печку топили, ну и вышло дело: заполыхало. Еле-еле Татьянину половину отстояли, а от комнат новых-то жильцов да братниных остались только головешки. Отстраивать ей было не по силам, в общем, кое-как заделала стену с крышей да жила. А вскорости Татьяна утонула: пошла к подруге через реку, а лед уж слабый был, ну и... – Евгений Борисович оглянулся на икону, подумал и перекрестился. – Таким вот макарон осталась одна Ленка – Татьянина дочь. А от нее всей улице беда. Пьющая да гулящая, в дядьев пошла, натворила чего-то и угодила в тюрьму. А вернулась, и начались тут гулянья. Нигде сроду не работала, а каждый день застолье. Разный народ у нее тут перебывал. Мамаша куда только жаловаться не бегала, а все без толку. Дальше так: сошлась Ленка с каким-то, и вроде тише стало, он по-настоящему здесь не жил, то появится на недельку, то исчезнет. Только ухажер-то чище прежних оказался. Форменный бандюга и Ленку в свои дела втравил. Вот тем летом и пришли за ними, из милиции то исть. А может, еще откуда, в черных масках такие, страх... – Евгений Борисович нервно хихикнул и за ухом почесал. – Стали в дом ломиться, а Ленка-то не пускает. Чего уж там вышло, не знаю, только из автомата раз пальнули, да угодили в наш дом. Мамаша до самой своей смерти все правду искала, думаю даже, через эту самую правду и померла, а уж скольким она след в стене показывала... – Евгений Борисович опять хихикнул и рукой махнул. – И ничего. Мамаша-то надеялась, коли мы пострадавшие, может, воду задарма проведут.

– Так как же дом сгорел? – решила я вернуть Евгения Борисовича от воспоминаний о мамаше к интересующему меня дому.

– А вот когда стрельбу-то открыли, и случилось. Сосед говорит, в баллон угодили, он, мол, и взорвался. Про баллон не скажу, но полыхало будь здоров. Ленка-то выскочила, а хахаля ее в доме и не оказалось. Сгорел дом до головешек, пожарные приехали, а тушить нечего.

Так вот перетаскали добрые люди, что взять можно было, да бульдозером мусор сгребли, чтоб детишки не лазили. И поросло все крапивой.

– А хозяйка, Ленка то есть, где она?

– В тюрьме, – удивился Евгений Борисович, – говорят, много ей что-то дали: то ли пять лет, то ли семь. Да уж теперь сколько ни дай, сюда она не вернется. Сгорел родной очаг, – закончил он с довольным видом и выпил еще.

– Да, занятная история, – кивнула я, разглядывая стену перед собой. Теперь интерес ребят бандитского вида к данному пустырю становился более-менее понятен, а вот этот соседский жилец будоражил воображение.

Мышь уже трижды отказывалась выпить. Евгений Борисович замахнулся на третью бутылку, но не осилил. Голова его стала клониться к столу, он дважды об него ткнулся с глухим стуком, а потом, устроив голову на сложенных руках, задремал. Я легко подняла хозяина и определила на диван, заботливо сунув под голову подушку и укрыв одеялом – все это лежало по соседству с диваном на табуретке.

Я стала мыть посуду, а Мышильда ворчать:

– Зачем ты ему про клад сказала?

– А что делать прикажешь? Врать неинтеллигентно. К тому же наше копошение на пустыре вызовет у граждан подозрения. Начнутся вопросы. А здесь все ясно: ищут люди клад.

– Так все ж наперегонки кинутся.

– Кинутся, если мы найдем что. А до той поры будут у калиток стоять и посмеиваться.

– Великий знаток душ человеческих, – фыркнула Мышь, а я кивнула в ответ.

Прибрав в кухне, мы умылись и отправились спать на терраску. Здесь стояли две кровати, круглый стол и допотопный шифоньер. На полу пестрые половики, на окнах расшитые занавески, в целом все очень мило. Моя кровать была древней, а главное, большой. Я легла, блаженно прикрыв глаза, и тут в терновнике запел соловей. Мышильду и ту проняло.

– Что, стервец, выделяет, – через полчаса сказала она.

Отдых на родине предков начинал мне нравиться.

Утром я проснулась оттого, что кто-то осторожно скребся в дверь. Вспомнив, что в частных домах рачительные хозяева держат кошек, я поднялась и приоткрыла дверь с намерением познакомиться с животным. Вместо кошки за дверью я обнаружила Евгения Борисовича в тех же трико и майке, что и накануне, и по-прежнему босиком. Он посмотрел на меня, блаженно улыбнулся и сказал:

– С добреньким утречком, Елизавета Петровна. Чайку не желаете? Только-только заварил. Индийский, и с шиповником, мамашин рецепт.

– С удовольствием, Евгений Борисович, – лучезарно улыбаясь, ответила я и пошла будить Мышь.

Она уже проснулась и выглядывала из-под одеяла. Точнее, выглядывал ее нос и принюхивался.

– С добреньким утречком, Мария Семеновна, – пропела я.

– Времени-то сколько? – проворчала Мышильда. Я взглянула на часы.

– Восемь.

– С ума сойти. – Сестрица поднялась и с тоской посмотрела за окно, где сиял новый день. – Спать хочу. В отпуске я или нет?

– Или нет. Ты в экспедиции.

Через двадцать минут мы сели за стол. Евгений Борисович не только заварил чай, но и за пивом успел смотаться и теперь деятельно возвращал силы своему организму.

Увидев, как я вхожу на кухню, моргнул сначала одним глазом, потом другим, потом ненадолго зажмурился и сказал:

– Ну, Елизавета... Не девка, а гренадер, ей-богу.

Мы сели завтракать, я пила чай и составляла план дневной кампании. Следовало осмотреть пустырь и приглядеться к соседскому жильцу. И то и другое – незамедлительно. Мышильда со мной согласилась, что бывает нечасто, и через некоторое время мы уже пробирались на пустырь сквозь заросли терновника. Выяснилось, что туда уже вел более удобный путь: от соседского забора, в котором не хватало двух досок, вилась тропинка, причем основательно утоптанная. Пройдя по ней, мы обнаружили мужчину лет тридцати пяти. Сидя на корточках, он что-то увлеченно разглядывал в зарослях крапивы. Рядом с ним на очищенном пространстве лежало нечто, напоминающее карту.

– Добренькое утречко! – гаркнула я, мужчина подпрыгнул и завалился на спину, потом перевел взгляд на нас и очень натурально схватился за сердце. – Помочь? – заботливо предложила я и протянула руку. Он дернулся от моей руки, точно от гремучей змеи, поднялся и, вскинув голову, стал разглядывать меня, а я его. Собственно, разглядывать там было нечего. Коротышка с ранней лысиной и физиономией мудрого зайца. Одет в спортивные штаны и футболку, из рукавов которой нелепо торчали тощие руки.

– Интеллигенция, – прошипела Мышь. Жилец дернулся как от удара.

– Вы из дома номер пять? – с особой нежностью спросила я.

– Я, собственно, да... из номер пять.

– А мы вот поселились в девятом. Решили отдохнуть на родине предков. Как раз здесь стоял их дом. Вот интересуемся. А вы любитель флоры или бабочек ловите?

– Я... бабочек...

– Отлично. Давайте знакомиться, как-никак соседи. Это Марья Семеновна, можно Маша, а я Лиза.

– Эдуард Митрофанович, – с легким поклоном ответил он.

– Что ж, Эдик, – легонько хлопнув его по плечу, сказала я. – Занимайтесь бабочками, а мы тут малость осмотримся.

Я небрежно заглянула в его карту, он тут же торопливо убрал ее за спину. Насвистывая, с видом праздных туристов мы прошли по пустырю. Эдик, охладев к бабочкам, исчез в дыре в заборе.

– Точно – конкурент, – проводив его свирепым взглядом, заметила Мышильда.

– С конкурентами у нас один разговор: бритвой по горлу и в колодец.

– Только без криминала, – ахнула сестрица. – Мы ж интеллигентные люди, а истинный интеллигент не занимается мокрухой без крайней на то нужды. Чужую жизнь надо немного уважать.

– Задавим морально, – согласилась я с доводами сестрицы и добавила: – Давай карту.

Мы выяснили, где приблизительно мог стоять дом в начале века, потратив на это по меньшей мере два часа. После чего поняли, что нуждаемся в отдыхе, и вернулись к Евгению Борисовичу, который с нетерпением поджидал нас, покуривая на ступеньках крыльца.

Он был по-прежнему бос, как видно, предпочитая иной обуви ту, что дала природа, и очень весело шевелил пальцами ног, при этом что-то мурлыча себе под нос.

– Ну, как оно? – спросил он, завидя нас.

– Отлично, – кивнула я.

– Неужто нашли чего? – ахнул Евгений Борисович.

– Москва не сразу строилась. Но кое-что проясняется. Надо определить, где стоял дом, от задней стены отсчитать положенное количество шагов и там копать.

– Ты, Елизавета, девка умная, это сразу видать, – с легкой улыбкой заметил Евгений Борисович, – но здесь все копано-перекопано раз двести. После трех пожаров, да и вообще...

– Евгений Борисович, – пропела я. – Мы ж в отпуске. На юг ехать денег нет, а здесь какое-никакое, а занятие. Может, и найдем чего.

– Оно конечно, – кивнул Евгений, легко поднялся и торопливо заговорил: – А я ведь щец сварил, наваристые. Не желаете?

– Золотой ты мужик, – обрадовалась я.

– От души и с удовольствием. Один-то жил, точно собака бродячая, чего подцепил, то и стрескал. А с хорошими-то людьми любое дело в радость. Живите хоть до самой зимы и клад ищите, мне одно удовольствие. – В этом месте он немного передохнул и сказал слегка заискивающе: – К шам-то бы надо... Елизавета.

– Так оставалось... – начала я. Евгений заметно застыдился, а яркий румянец на его лице и блеск глаз подтвердили, что вчерашний запас иссяк. Я выдала деньги, и он радостно потрусил вдоль по улице, по-прежнему босиком.

– Зимой он ходит в валенках на босу ногу, – вздохнула Мышь. – Что, опять водку пить в рабочий полдень?

– Не хочешь, не пей, – пожала я плечами, – а человека поддержать надо.

– Кстати, сегодня понедельник. Интересно, хозяин наш где трудится или у него отпуск? До пенсионного возраста ему жить да жить, а из подросткового он уже вышел.

– Придет – спросим.

Пройдя в дом, я сняла спортивный костюм, облачилась в шорты и майку. Мышильда сделала то же самое, после чего мы с наслаждением умылись в огороде холодной водой.

Притрусил Евгений, и мы сели обедать. От водки отказались, решив сподобиться на сон грядущий, хотя заведомо знали, что к вечеру эта емкость будет пуста. Щи удались на славу, мы хваливали хозяина, а он расцветал на наших глазах. Радость его немного поубавила Мышильда своим вопросом:

– А скажи, Борисыч, ты в отпуске, что ли?

– Нет, – повертел он головой. – Не трудящийся я. С детства хворый и второй год как на инвалидности.

– А что за хвороба? – удивилась я, вглядываясь в пышущую здоровьем личность хозяина. Название болезни было замысловатым, труднопроизносимым и ничего нашему разуму не говорившим.

– Это что ж такое? – нахмурилась сестрица, любительница докапываться до истины.

– Ноги, – грустно сказал Евгений и в доказательство продемонстрировал голые стопы, выдернув их из-под стола. Я с любопытством уставилась на них, но обнаружить принципиальное отличие от любых других не смогла. Однако обижать хозяина не хотелось, я сочувственно вздохнула и нейтрально заметила:

– Да-а...

Хозяин обрадовался, убрал ноги и приналег на водку.

После обеда мы немного повалялись в саду, в некошенной травке под сенью развесистой яблони. Где-то через час перед глазами возник Евгений, отправленный нами на боевое задание. В руке он держал лист бумаги и радостно сообщил:

– Вот, Елизавета, как велела. Паспортные данные. Хозяйка, Анна то исть, по моей просьбе все как есть зафиксировала.

Я взяла листок из его рук и прочитала:

– «Солодкин Эдуард Митрофанович, тридцать два года, местный».

Номер квартиры предполагал проживание в многоэтажке, где-то в районе новостроек. Евгений подтвердил, что улица Бердяева находится в юго-западном районе, или попросту в Марьино. Новое название микрорайона в народе не прижилось, а старое шло от большого села Марьино, что в начале века располагалось километрах в двадцати от губернского центра, а теперь оказалось в черте города.

– Ну и что это нам дает? – лениво спросила Мышильда.

– Еще не знаю, но что-то, безусловно, даст.

Я выразила хозяину благодарность, и он нас покинул, а я направилась к забору. Забор отделял сад, в котором мы находились, от заветного пустыря. Выдернув пару гнилых досок, я пролезла в образовавшуюся дыру и пристроилась в кустах смородины. Правда, сначала пришлось вернуться в дом и снова облачиться в спортивный костюм – крапива доставала мне до груди. Мышильда, не выдержав, вскоре присоединилась ко мне, мы потомились минут пятнадцать в смородине и наконец увидели соседского жильца Эдика. Озираясь по сторонам, он ходко пробирался по тропинке к нашему дому, то есть к нашей крапиве. В руках у него были карта, компас, общая тетрадь и авторучка.

– Вот гад, – разозлилась Мышильда. – Экипировался.

Эдик подошел к родной крапиве, выложил вещи на тропинку и при помощи компаса стал определять стороны света, потом отсчитывать шаги в разные стороны, громко сопя, то и дело кидаясь к тетради и что-то там торопливо записывая. Дураку ясно – подлец ищет наш клад.

Я не выдержала и шагнула из кустов смородины навстречу нахалу. Сейчас я была обута в кроссовки, но они у меня на платформе, и в росте я потеряла мало. Завидев меня, Эдик скис и сделал слабую попытку кинуться к своей дыре в заборе. Я пресекла побег в зародыше, легонько пихнув самозванца локтем в грудь, и он устроился на тропинке.

– Вы не имеете права, – визгливо заметил он, как только у него закончились проблемы с дыханием. Я наклонилась и задела его коленом, чтобы немного отвлечь Эдика от глупых мыслей, и стала рассматривать тетрадь и карту. Мышильда, сурово взглянув на конкурента, прошипела:

– Старые вещи покупаем, новые крадем?

– На законном основании, – попробовал вскочить он, я осуждающе взглянула, и Эдик немедленно затих.

– Что там? – спросила Мышь, заглядывая в тетрадь.

– Ерунда. А вот карта... – Я протянула ее сестрице. Карта была чудовищно похожа на нашу, стало ясно – изготовил ее человек, очень хорошо знакомый с нашим родовым гнездом. – Откуда карта? – спросила я, поворачиваясь к Эдику. Тот закрыл лицо локтем и взвыл:

– Наследство.

– Врешь, подлец, – ахнула Мышь, – не может быть у нас таких родственников. – И с возмущением обратилась ко мне: – Отродясь у нас в роду мелкие мужики не водились.

Мне хотелось сказать, что и женщин наших господь не обидел, если не считать сестрицы, в семье, как говорится, не без уroda и так далее, но перед лицом внешней опасности раздоры в семье неуместны, ряды должны сомкнуться и стоять насмерть на манер Китайской стены. В свете этих мыслей я охотно поддержала Мышильду:

– Да уж, этот субъект на нашу родню не тянет. – Переведя взгляд на субъекта, я сказала с леденящей душу угрозой: – А ну, гусь, выкладывай все как на духу.

Гусь поднялся, закинув голову в заоблачные дали, надеясь заглянуть в мои глаза, и устало опустил на тропинку, правда на этот раз придав хилому организму более удобную позу.

– И не хитри, – добавила Мышь, – не то худо будет.

– Я начну кричать, – огрызнулся он.

– Не успеешь, – заверила я. Эдик вздохнул и сказал с отчаянием:

– Карта мне в наследство досталась. От деда. Лежала на чердаке. Дом продали, стали уборку делать и нашли.

– Ты чего вкручиваешь? – разозлилась я, ткнув пальцем в карту. – Адрес на ней отсутствует. Как же тебя сюда черти вынесли?

– Дед отцу говорил, а отец мне – есть дом, купец Калашников жил, богатей, и перед революцией клад спрятал, а сам с катушек съехал – новая власть ему не понравилась. А клад, может, лежит.

– А дед твой откуда про клад знал? – удивилась я.

– Не знаю. Не очень в этот клад и верилось. У Калашникова трое сыновей было, уж кто-нибудь да к рукам прибрал.

– Ничего не понимаю, – удивилась Мышь. – Выходит, этот тип наш родственник?

– Вряд ли, – скривилась я. – Какая-нибудь прадедова актерка проболталась. Падок был купец Калашников на женский пол, через то и претерпел много.

– Вопрос этот принципиальный, – разволновалась Мышильда. – Потому что если он нам родня – это одно, а если нет – то нечего ему возле нашего клада отираться.

– Не вашего, а государственного, – открыл Эдик рот, чем очень разгневал Мышильду.

– Поговори, вражина, – пригрозила она и пнула сомнительного родственника ногой. – У нас с конкурентами один разговор, – сестрица выразительно провела пальцем по горлу.

Эдик презрительно отвернулся. Я отдала принадлежащие ему вещи и заявила доходчиво, но не без некоторой суровости:

– Будем выяснять твое происхождение. Семья – это святое. Если родственник – в дело возьмем, а если приبلудный – так лучше сразу собирай манатки. Иначе мы тебя по соседству с кладом зароем. А пока к дому подходить не смей.

– Это несправедливо, – возмутился он. Не исключая окончательно, что передо мной родственник, я решила проявить добрую волю и готовность к диалогу:

– Ладно. По терновнику можешь шастать и даже копать. Но если я увижу тебя по эту сторону тропинки, считай, ты уже инвалид.

– Уяснил, гад? – набросилась на него сестрица. Эдик поднялся и понуро побрел к дыре, дважды с неодобрением посмотрев в нашу сторону. – Он нам все дело испортит, – продолжала кипятиться Мышильда.

– Не испортит, – заверила ее я, и мы пошли в дом.

– Что делать будем? – спросила сестрица. – Конкуренты насаждают, а у нас даже плана нет.

– Нужны перчатки, – сказала я. – Жара вроде спала, приступим к работе.

– Копать? – обрадовалась Мышь, а я ответила:

– Крапиву дергать. Попробуем отыскать фундамент.

Перчатки по нашей просьбе приобрел Евгений и даже принял деятельное участие в борьбе с крапивой. Мы безжалостно выдергивали ненавистное растение с корнями, сваливали все в кучу, а Евгений относил это добро в дальний угол сада, стараясь поплотнее уложить возле дыры в соседском заборе. Вернувшись оттуда в очередной раз, он с хитрецей заметил:

– Посматривает.

– Кто? – не поняла я.

– Жилец, Эдуард то исть. Наблюдает. Один раз даже голову в дыру сунул.

– Вот ведь что делает, – возмутилась Мышь и с удвоенной энергией взялась за крапиву.

Работу мы закончили, когда уже смеркалось. К этому моменту удалось почти полностью освободить пространство, которое ранее занимал дом. Немного поползав на коленях, мы вскорости обнаружили фундамент, внушительный, каменный, старинной кладки. Для наглядности очертили его мелом. Таким образом, стал вырисовываться план дома. Мышильда принесла наш план, и мы попробовали разобраться, что к чему. Сразу же стало ясно – очень многое не сходится. Дом многократно перестраивался, и даже фундамент в нескольких местах был новый, кирпичный.

Дальнейшим нашим изысканиям помешала темнота. Мы вернулись в дом. Едва сели ужинать возле открытого окна, чтобы насладиться вечерней прохладой, а если повезет, то и соловью послушать, как под окном возникла бабка с остроносым хитрым лицом и заговорила:

– Борисыч, не твоих ли девок ищут?

– Кто? – ахнули мы, переглянувшись.

– Да мужик какой-то. Бродит по улице и орет блажью. Лизавету какую-то зовет. Гляньте, девки, может, ваш кто.

Мы поспешили на улицу. У калитки напротив притулился мужичок в белой панаме и в самом деле орал блажью: «Лизавета!» Даже в темноте и с приличного расстояния я узнала своего бывшего благоверного, поэта и исполнителя русских народных песен Самшитова Михаила Степановича.

– О, гения черт принес, – сплюнула Мышильда и с тоской добавила: – На что он нам?

Я не могла вот так сразу найти применения талантам предпоследнего и вынуждена была согласиться с сестрицей, что визит его совершенно не ко времени.

Однако прежде всего гения следовало утихомирить, ведь все соседские собаки уже подняли жуткий вой, и это тревожило граждан.

– Михаил! – грозно окликнула я его.

Он отлепился от чужой калитки и нетвердой походкой направился ко мне, простирая руки и тихим повизгиванием выражая восторг от нашей встречи.

– Богиня, – проблеял он и рухнул мне в ноги. Скорее всего он просто не смог устоять на своих, но все равно вышло впечатляюще. Обитатели четырех домов по правой стороне и пяти по левой дружно ахнули, а собаки враз замолчали. – Богиня, – повторил Михаил Степанович и попытался ухватить мою руку, но не дотянулся. Я сгребла его за шиворот и прислонила к крыльцу. Михаил легонько ткнулся затылком и блаженно улыбнулся.

– Наркоз лошадиный, – заметила Мышильда и была права. Михаил Степанович был, как говорится, пьян в стельку.

– Ты зачем приехал? – сурово осведомилась я.

– За тобой, – пытаюсь смотреть прямо, ответил он. – На последние средства. Рвался душой...

– Ясно, – вздохнула я. – Прикинул, что сотни надолго не хватит, и сюда поперся. Между прочим, зря – кормить не буду. А начнешь медведем реветь, так сдам в милицию, вот те крест, – с большим рвением я осенила себя крестным знамением.

– Не можешь ты поступить со мной столь бесчеловечно, – захныкал Михаил Степанович. В наш разговор тут же влез хозяин:

– Это кто ж будет-то, Елизавета?

– Супруг мой, бывший. Ныне алкоголик, а с этой минуты бомж. Деньги есть? – прорычала я.

– Нет, – радостно затряс он головой, – ни копейки.

– Надо его в дом занести, – хмуро предложила Мышильда, – не то он всей улице покоя не даст. А завтра, на трезвую голову, поговорим.

– Что скажешь, Борисыч? – обратилась я к хозяину.

– Заноси, – кивнул он. Я внесла супруга в дом и приткнула на табуретке. При свете лампы Евгений его разглядел и спросил: – Где ж ты такого отхватила? Вроде как он тебе не пара вовсе?

– Да, завалыщенький мужичок, – со вздохом согласилась я. – Все ведь через доброту мою. Имею доброе сердце, оттого и грустно видеть людскую неблагодарность.

Мы сели за стол, подумали и с горя послали Евгения за водкой. Он быстро вернулся, и мы выпили по его маленькой, а нашей большой для снятия стресса. Михаил Степанович почувал водочный запах и ожил. Открыл левый глаз, потом правый и, вальяжно махнув ручкой, сказал:

– Наливайте.

– Я тебе сейчас налью, – рассвирепела Мышильда и хотела огреть его подставкой для чайника, но тут дверь распахнулась, и в кухню вошел милиционер в погонах капитана.

– Здравствуйте, люди добрые. – Он снял фуражку и глянул в красный угол, а я замерла: неужели перекрестится? Капитан сложил руки под животом и радостно осведомился: – Вечеряете?

– Проходи, Иваныч, – обрадовался хозяин. – Видишь, гости у меня.

– Вижу. Как говорится: гость – посланец от бога.

Иваныч прошел, пристроив головной убор на вешалку, и сел за стол.

– Участковый наш, – пояснил Евгений, – Валентин Иваныч. Это Мария Семеновна, Елизавета Петровна и супруг ихний, не знаю как по имени. Только прибыл.

– Наслышаны, – степенно кивнул Иваныч, косясь на бутылку.

– Закусите с нами, – предложила я. Мышильда вскочила и подала гостю стопку. Мы выпили, а Михаил Степанович вновь открыл глаза и, увидев милиционера, завыл:

– За что, Лизавета?

– Утихни, гад, – зашипела Мышь.

– Ни в чем не виновен, – проблеял он, прижимая руку к сердцу. – Перед родной милицией, как на духу.

Я приподнялась и легонько шлепнула его по затылку. Эффект вышел неожиданный. Михаил затих, а участковый замер с вилкой в руке, моргнул, крикнул и сказал:

– Вот так девка...

– Да-а-а, – кивнул Евгений, – гренадер.

Минут через пять участковый смог отдышаться, выпив для ускорения процесса водочки.

– Надолго в наши края? – осведомился Иваныч, закусив капусткой.

– На весь отпуск. Мария, принеси паспорта слуге закона.

– Обижаете. Я же по-дружески заглянул...

– Дружба дружбой, а служба службой, – пропела Мышь, вручая ему документы. Он тщательно их проверил, списал данные в блокнот и с благодарностью вернул.

– Говорят, клад ищете? – спросил он с хитринкой.

– Ищем, – покаялась я. – Купец Калашников – прадед наш. В семье про клад много говорили, вот и пытаем счастья.

– Ага, – кивнул участковый, в его глазах прибавилось хитрецы, – тут многие ищут. Помешались на кладах.

– Отчего ж не поискать, коли есть охота, – дипломатично заявил Евгений. Михаил Степанович к этому моменту опять очнулся от легкой дремы и повел носом.

– Этому не наливать, – сурово сказала я.

– Елизавета, – с третьей попытки гневно произнес он мое имя, попробовал встать и что-то продекламировать, но Мышильда его перебила:

– «Волчица ты, тебя я презираю, ты, мерзкая, уходишь от меня».

Все уважительно притихли, а Михаил Степанович обиделся и выразительно надул губы. Выпив еще водочки, участковый удалился, а мы призадумались, что делать с моим бывшим супругом.

Оставлять его в доме никак нельзя – обживается он быстро, и завтра его уже не выгонишь.

– Надо вынести его в сад, – предложила сестрица. – Какая-нибудь телогрейка найдется, прикроем. Погоды нынче стоят замечательные, не околеет.

– У них организмы слабые, – напомнила я.

– Оставьте в кухне, – проявил человеколюбие Евгений, но мы решительно пресекли его благой порыв.

– В сад, – кивнула я и выволокла супруга на свежий воздух. Соорудив ложе из двух телогреек и старого полушубка, мы устроили бывшего под яблоней и вернулись в дом.

Солнечный луч, проникнув сквозь занавеску, слепил мне глаза. Я блаженно потянулась и позвала:

– Мышильда...

Сестрица, всегда злющая по утрам, ответила без энтузиазма:

– Мишка твой приперся. Всю малину испортит...

– Не успеет, – заверила я.

Через полчаса, войдя в кухню, мы застали картину, способную выжать у женщины моей сердечности скупую слезу. Наш хозяин и Михаил Степанович сидели рядышком за накрытым столом, сложив на коленях ладошки и с отчаянной немой мольбой во взоре. Оба сильно маялись с перепоя. Я вошла, поставила чайник на плиту и, откашлявшись, исполнила что-то лирическое, вошедшая Мышильда подхватила куплет, вслед за ней пристроился Евгений, Михаил Степанович не выдержал и зычно повел нас в заоблачные выси. Песня кончилась, пала тишина. Михаил Степанович, собравшись с силами, начал речь:

– Елизавета...

– Молчите лучше, – съязвила я. – Как вы могли? Человек вашего таланта, воспитания... интеллигент... и появляется здесь в таком виде, пугая детей и собак.

Михаил Степанович слегка поник головой, а Мышильда ядовито заметила:

– В сильном подпитии прибыли.

– А кто не пьет? – выбросив вперед ладонь, возмутился предпоследний. – Фолкнер пил, Хемингуэй пил...

Мышь устыдилась.

– Ну, если вы в компании...

– Ты ж говорил, что один приехал? – удивился Евгений и, с мольбой переведя взгляд на меня, прошептал: – Елизавета...

Я выдала деньги, хозяин отправился за водкой, а Михаил Степанович попробовал улыбнуться.

– Деньги есть? – посуровела я.

– Лизок, на последние прибыл. Тосковал душой...

– Бомжевать, значит? – грозно поинтересовалась я. Михаил нахохлился и приуныл. – Кормить не буду, и не мечтай. И за постой плати сам, на меня не рассчитывай. Все понял?

– Как же я, Елизавета?

– Так же. Раньше надо было думать, а теперь хоть пешком домой возвращайся.

Пришедший хозяин застал нас в тягостном молчании. Не принимая этого близко к сердцу, он быстро разлил водку. Я приподнялась и убрала стопку из-под носа Михаила Степановича. Евгений испуганно прошептал:

– Мы ж не звери... – но я осталась непреклонной.

– Выходи из-за стола, – заявила я предпоследнему. Тот поднялся и с трагическим лицом пошел к двери, правда трижды обернувшись. Евгений замер с бутылкой в руке, и по всему видно было, что он очень Михаилу сочувствовал. Я взяла вилку и приступила к завтраку. Предпоследний дважды заглянул в дверь, но я никак на это не отреагировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.